Харисматическіе учители первенствующей Церкви, I и II вѣка[1]).

Хотя до самаго послѣдняго времени наукѣ извѣстно было, что въ первохристіанскую,—главнымъ образомъ апостольскую, эпоху существовали особливыя лица: апостолы (не ученики Христовы), пророки и дидаскалы, но ничего не было извѣстно, какое мѣсто занимали они въ церкви, какія ихъ были функціи, долго ли существовали эти лица въ церкви—и почему прекратилось ихъ существованіе и служеніе. Не то теперь. Теперь наука знаетъ очень многое объ этихъ лицахъ, объ этихъ представителяхъ первохристіанской церкви,—хотя, конечно, въ этихъ свѣдѣніяхъ и въ настоящее время есть кой-какіе пробѣлы. Одинъ вопросъ о вышеупомянутыхъ лицахъ—апостолахъ, пророкахъ и дидаскалахъ, *одинг*

---

1) Эти учители называются харисматическими потому, что ап. Павелъ относитъ ихъ къ числу лицъ, обладавшихъ особыми дарами. Онъ говоритъ: „не хочу оставить васъ въ невѣдѣніи о дарахъ духовныхъ“ (въ этомъ случаѣ впрочемъ слово: „дарахъ“ прибавлено переводчиками для ясности); „дары (χαρίσματα) различны.... но каждому дается проявленіе Духа на пользу. Ревнуйте о дарахъ (τὰ χαρίσματα) бо́льшихъ“ (1 Кор. 12, 1. 4. 7. 31). Сн. ст. 29, гдѣ исчисляются харисматическіе учители. Этихъ лицъ, какъ не принадлежавшихъ къ составу іерархіи, хотя и облеченныхъ многими религіозными правами, мы называемъ проще или „лицами ц-рковнаго авторитета“ или же „предстоятелями“, частію потому, что одна группа разсматриваемыхъ лицъ именуется въ древнемъ памятникѣ даже „первосвященниками“—въ переносномъ смыслѣ (Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων, cap. 13), а всѣ они пользовались почтеніемъ, подобно представителямъ іерархіи (ibid. cap. 15); такъ и потому, что въ древности понятіе „предстоятеля“ въ нѣкоторомъ родѣ прилагалось и къ церковному „чтецу“. Въ послѣднемъ отношеніи можно указать на слѣдующее свидѣтельство одного памятника II вѣка (canones ecclesiastici): „при богослуженіи во дни Господни онъ первый“ (членъ въ ряду другихъ) (ἐν ταῖς χωριακαῖς συνόδοις πρῶτος σύνδρομος) „въ виду того, что онъ занимаетъ мѣсто евангелиста“ (проповѣдника истины) (У Harnack'a. Quellen der apostolisch. kirchenordnung. S. 18. Leipz. 1886). Вообще церковный лицъ въ древности отличался отъ нашего и былъ болѣе обширенъ (и неопредѣленъ). По Тертулліану этотъ ликъ или чинъ составляли: епископъ, діаконъ (пресвитеръ не упоминается), вдовица (vidua), дѣвственница, учитель (doctor), исповѣдникъ (martyr). De praescript., cap. 3).

уже этотъ вопросъ, который теперь можно ставить и опредѣленно рѣшать, заставляетъ каждаго церковнаго историка сознаться, что доселѣ церковные историки ходили въ сущей тьмѣ при ихъ стараніи изучить составъ древне-христіанской общины. Въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ западныхъ ученыхъ о начальной стадіи церковнаго представительства доселѣ ограничивались единственно задачей — объяснить возникновеніе должности епископа, діакона и пресвитера, а тѣ мѣста въ древне-христіанской литературѣ, въ которыхъ упоминалось о какихъ-то апостолахъ (не ученикахъ Христа), пророкахъ и дидаскалахъ, или совсѣмъ оставлялись безъ вниманія, или же едва удостоивались безплоднаго вниманія. Конечно, такая ограниченность взгляда и задачи имѣла свои основанія. Во-первыхъ, для всѣхъ было ясно, что только епископы, пресвитеры и діаконы стали впослѣдствіи дѣйствительными предстоятелями церкви, а о какихъ-либо другихъ важныхъ лицахъ церковнаго авторитета въ тѣ же времена не было уже и помину; во-вторыхъ, всѣ указанія древнѣйшихъ памятниковъ относительно апостоловъ, пророковъ и дидаскаловъ настолько были фрагментарны, что изслѣдователи, не желая ударяться въ сферу гипотезъ, оставляли весь вопросъ въ сторонѣ. Недостатокъ знаній въ данной области былъ такъ великъ, что изслѣдователи часто находили себя вынужденными отказываться даже отъ тѣхъ краткихъ извѣстій по разсматриваемому вопросу, какія встрѣчались въ источникахъ,—не желая путаться въ темныхъ абстраціяхъ. Такъ, напр., извѣстный языческій сатирикъ II вѣка Лукіанъ называетъ Перегрина, героя одной его противохристіанкой пьесы, «пророкомъ»[2]). Что это значитъ—ученые уяснить себѣ никакъ не могли, и потому допускали, что Лукіанъ, по незнанію христіанскихъ отношеній, называлъ своего героя совсѣмъ не надлежащимъ христіанскимъ именемъ, а какимъ то выдуманнымъ.—Сейчасъ увидимъ, что было и что *стало* въ наукѣ по вопросу о такихъ представителяхъ древне-

---

[2]) Luciani. De morte Peregr. Cap. 11. 16.

христіанскаго общества, какъ апостолы, пророки и дидаскалы. Покрывало теперь приподнято,—и любопытный можетъ узнать интересныя новости. Этимъ мы обязаны, открытому и обнародованному въ 1883 году, древнехристіанскому памятнику: «Ученіе двѣнадцати Апостоловъ» (διδαχὴ τῶν δώδεκα τῶν ἀποστόλων), памятнику средины II вѣка, пролившему такъ много свѣта на сейчасъ указанный интересный вопросъ.

У апостола Павла встрѣчается очень ясное указаніе на существованіе въ его время въ христіанской церкви: и апостоловъ, и пророковъ, и дидаскаловъ. Такъ въ I посланіи къ Коринѳянамъ (12, 28 – 29) онъ говоритъ: «иныхъ Богъ поставилъ въ церкви во-первыхъ апостолами, во-вторыхъ пророками, въ-третьихъ учителями», и затѣмъ спрашиваетъ: «всѣ ли апостолы? всѣ ли пророки? всѣ ли учители»? Въ посланіи къ Ефесянамъ (4, 11) тотъ же Павелъ пишетъ: «Онъ (Христосъ) поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями». Эти мѣста изъ посланій Павла, въ особенности первое изъ нихъ, давно уже давало ясно понимать, что апостолы и пророки, о какихъ здѣсь рѣчь, не тождественны съ апостолами и пророками, о которыхъ говорятъ Ветхій Завѣтъ и Евангельская исторія; самое исчисленіе – въ такомъ порядкѣ: апостолы, а потомъ пророки—уже показывало, что здѣсь рѣчь идетъ о другихъ лицахъ. Тѣ же свидѣтельства показывали, что исчисленіе этихъ лицъ въ такой градаціи: апостолъ, пророкъ, учитель (дидаскалъ) было не случайностью, а опредѣлялось христіанско-общественнымъ значеніемъ этихъ лицъ, такъ какъ подобное исчисленіе крѣпко удерживается, когда рѣчь идетъ о нихъ. Но дальше этихъ общихъ выводовъ наука не въ состояніи была ничего сдѣлать, пока не появились тѣ благопріятныя обстоятельства нашего времени, которыя уяснили дѣло (разумѣемъ открытіе и изученіе памятника: «Ученіе двѣнадцати Апостоловъ»).

Теперь уже для всѣхъ вопросъ рѣшенный, что вышеупомянутыя апостольство, пророчество и учительство были должностями, принадлежащими первохристіанской

древности. Сообщимъ сначала главнѣйшія общія свѣдѣнія о апостолахъ, пророкахъ и дидаскалахъ. Эти лица назначались для служенія обществу христіанскому «словомъ». Они-то, именно, были «глаголавшіе слово Божіе», (Евр. 13, 7), т. е. были возвѣстителями христіанскихъ истинъ, какъ съ цѣлію миссіонерскою, такъ и съ цѣлію назиданія той или другой церкви. Избраніе ихъ къ этому дѣлу изъ числа вѣрующихъ было особливое. Ихъ не община христіанская избирала. Они движимы были къ этому внутреннимъ духовнымъ возбужденіемъ. Какъ происходило призваніе къ апостольству, на это имѣемъ ясное указаніе въ книгѣ *Дѣяній*; вѣроятно, и въ другихъ случаяхъ происходило призваніе къ служенію апостольскому подобнымъ же образомъ. Въ 13-ой главѣ книги Дѣяній (ст. 1—4) разсказывается, что въ Антіохіи находилось пять мужей: Варнава, Симеонъ, Лукій, Манаилъ и Савлъ. Когда они проводили время въ молитвѣ и постѣ, Св. Духъ указалъ, чтобы Варнава и Савлъ были опредѣлены для путешествія—въ цѣляхъ распространенія христіанства. Варнава и Савлъ такъ и сдѣлали послѣ того, какъ прочіе изъ числа упомянутыхъ лицъ возложили на нихъ руки. Пророки тоже не были избираемы отъ общины. Они являлись тоже послушнымъ орудіемъ внутренняго призванія отъ Духа Святаго. Чувствуя въ себѣ призваніе раскрывать и объяснять истины христіанской вѣры для своихъ собратій, они по внутреннему влеченію дѣлались проповѣдниками христіанскаго ученія между собратіями (1 Кор. 14, 32. 37. 39) для того, чтобы укрѣплять ихъ вѣру и возбуждать ихъ мужество. Что касается призванія нѣкоторыхъ христіанъ къ служенію въ качествѣ дидаскаловъ, то не ясно, какъ оно совершалось. Однакожъ и здѣсь можно сдѣлать основательную догадку. Въ посланіи Іакова говорится: «не многіе дѣлайтесь учителями, зная, что мы подвергаемся бо́льшему осужденію» (3, 1). Отсюда видно, что принятіе на себя должности христіанскаго учителя зависѣло отъ личнаго расположенія вѣрующаго, но, разумѣется, это расположеніе не считалось субъективнымъ, а признавалось за особый благо-

датный даръ [3]). Дѣйствительно ли: то или другое лицо есть истинный пророкъ или истинный дидаскалъ—рѣшеніе этого вопроса, какъ увидимъ впослѣдствіи, предоставлялось самому обществу христіанскому.

Званія апостола, пророка и дидаскала не сливались и не смѣшивались одно съ другимъ: это были разныя должности, а не разныя названія однѣхъ и тѣхъ же должностей. Это ясно теперь открывается какъ изъ посланій Павла, такъ въ особенности изъ вышеупомянутой διδαχὴ. Эти званія не были принадлежностью какихъ либо немногихъ церквей; нѣтъ они были въ первые два вѣка распространены по всей церкви и составляли ея характеристическую черту. Если апостолъ Павелъ говоритъ, что «Богъ иныхъ поставилъ въ церкви во-первыхъ апостолами», то онъ здѣсь разумѣетъ всю Церковь—и іудейскія области, и Римъ, и Грецію. Но такъ было не въ апостольское только время, а и много позднѣе. Διδαχὴ—памятникъ середины II вѣка—опредѣленно говоритъ объ апостолахъ, пророкахъ и дидаскалахъ, какъ принадлежности всѣхъ церквей. Кромѣ διδαχὴ и въ другихъ памятникахъ древности можно указать свидѣтельства о существованіи апостоловъ, пророковъ и дидаскаловъ, какъ явленіи, принадлежащемъ всей церкви. Такъ Эрмъ въ «Пастырѣ»—произведеніи немного болѣе раннемъ, чѣмъ διδαχὴ, часто упоминаетъ въ качествѣ провозвѣстниковъ христіанскаго ученія—апостоловъ, дидаскаловъ [4]), и хотя не упоминаетъ въ ряду ихъ о пророкахъ, но это вѣроятно потому, что онъ самъ имѣлъ званіе пророка, притомъ же онъ весьма подробно говоритъ о дѣятельности истинныхъ и ложныхъ пророковъ и указываетъ способъ отличать первыхъ отъ послѣднихъ [5]). Въ Клементинахъ, апокрифическомъ сочиненіи II вѣка, говорится объ этихъ лицахъ, какъ явленіи общеизвѣстномъ въ церкви; именно здѣсь просто говорится: «поминайте апостола, или учителя, пророка» [6]). Такъ

---

[3]) 1 Кор. 14, 26. Яснѣе: Эрма. Подобія, IX, 25.
[4]) Подобія, IX. гл, 25.
[5]) Заповѣди, XI.
[6]) Clem. Homil. XI, 35.

говорятъ. конечно, тогда, когда всѣ напередъ знаютъ, что за лица, о которыхъ дѣлается упоминаніе.—Апостолы, пророки и дидаскалы—что особенно важно—пользовались высокимъ почетомъ, можно сказать, были первыми лицами въ числѣ прочихъ предстоятелей церкви. «Пастырь» Эрма и «Ученіе 12-ти»—два такихъ важныхъ памятника, исчисляя должностныхъ лицъ церковныхъ—апостоловъ, пророковъ и дидаскаловъ, или же однихъ апостоловъ и пророковъ, поставляютъ ихъ на первомъ мѣстѣ въ сравненіи не только съ діаконами, но и епископами [7]). И при всемъ томъ такой авторитетъ имъ давало единственно то, что они были «глаголавшими слово Божіе», были насадителями истинъ христіанскихъ, ибо другихъ какихъ либо вліятельныхъ обязанностей имъ совсѣмъ не принадлежало. Апостоламъ, пророкамъ и дидаскаламъ ни въ какомъ смыслѣ не принадлежало административной власти и юридическихъ функцій въ христіанскихъ обществахъ. Ни въ одномъ источникѣ нѣтъ на это никакого указанія. Да и сама природа такихъ должностей, какъ апостольство и пророчество, исключала возможность занятія административными дѣлами христіанскихъ церквей. По единогласному показанію древнихъ свидѣтельствъ, они не были вѣдь должностными лицами отдѣльныхъ церквей; ихъ миссія обращена была ко всей церкви, они принадлежали всей совокупности вѣрующихъ; отъ этого по первоначальному правилу они не должны были оставаться на жительствво въ одномъ какомъ нибудь мѣстѣ, а постоянно странствовать, переходить съ одного мѣста на другое. Основавъ церковь тамъ или здѣсь (апостолы), преподавъ уроки христіанскаго благочестія вѣрующимъ той или другой церкви (пророки и дидаскалы), они должны были идти дальше въ другія страны, къ другимъ христіанскимъ общинамъ. То обстоятельство, что эти лица были, такъ сказать, общимъ достояніемъ церкви, имѣло большое значеніе. Разсѣянные и раздѣленные простран-

---

[7]) Эрма. Подобія IX, гл. 25—27. (Нѣсколько иначе: Видѣнія, III, гл. 5). «Ученіе 12-ти», гл. XV, 1.

ствомъ христіане I и II вѣка, еще не успѣвшіе сплотиться въ цѣльную организацію, находили для себя въ этихъ лицахъ объединяющую связь. Апостолы, пророки и дидаскалы, переходившіе съ одного мѣста на другое, отъ одной общины къ другой, пользовавшіеся во всѣхъ общинахъ высокимъ почетомъ,—уже фактомъ своей дѣятельности объясняютъ намъ, какимъ образомъ различныя провинціи, принимавшія христіанство при различныхъ условіяхъ, когда еще не существовало новозавѣтнаго канона,—однакожъ имѣли такъ много общаго между собою въ строѣ жизни и воззрѣній. Христіанскія общины организовались въ то время съ большою самостоятельностію; въ выработкѣ формъ жизни, въ религіозной мысли, еще не было создано никакой стѣсняющей униформы; и тѣмъ не менѣе наблюдатель видитъ въ нихъ (общинахъ) замѣчательное единство развитія. Можно съ увѣренностію полагать, что такое единство развитія условливалось дѣятельностью странствующихъ апостоловъ, пророковъ и дидаскаловъ, руководившихъ общины въ одномъ направленіи. Правда, о самой дѣятельности этихъ лицъ исторія мало знаетъ, но во всякомъ случаѣ нѣтъ основаній отрицать ту заслугу ихъ, на которую мы сейчасъ указали.

Какъ черта характеристическая для апостоловъ, пророковъ и дидаскаловъ должно быть указано еще и то, что они въ качествѣ энтузіастическихъ лицъ, т. е. дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ вдохновенія, писали сочиненія, назначая ихъ въ назиданіе и наставленіе всѣмъ христіанамъ. Несомнѣнно, такія лица написали: и книгу «Пастырь», авторъ котораго считаетъ себя пророкомъ и обращаетъ свою рѣчь ко всему христіанству, и памятникъ—διδαχή, авторъ котораго неизвѣстенъ, но онъ пишетъ для всѣхъ. Къ литературѣ, обязанной своимъ происхожденіемъ апостоламъ, пророкамъ и дидаскаламъ, иногда относятъ и нѣкоторыя другія древнія сочиненія, но достовѣрность этихъ догадокъ не заходитъ дальше простой вѣроятности. Замѣтимъ только, что дидаскалы, повидимому, извѣстны были въ древности большою литературною дѣятельностью. Это отчасти видно изъ того,

что нѣкоторые древніе писатели, напр., Игнатій [8]), Діонисій Александрійскій [9]), пиша свои наставительныя посланія, замѣчаютъ, что они пишутъ въ назиданіе не какъ власть имѣющіе дидаскалы. Слѣдовательно, письменная дѣятельность дидаскаловъ для древне-христіанскихъ епископовъ представлялась явленіемъ обычнымъ и общеизвѣстнымъ, представлялась даже какъ бы профессіею названныхъ лицъ.

Что касается вопроса о происхожденіи института апостоловъ, пророковъ и дидаскаловъ, то нужно думать, что институтъ этотъ возникъ не вслѣдствіе подраженія, а вслѣдствіе свободнаго творчества первохристіанскихъ общинъ. Впрочемъ нѣчто аналогическое можно находить въ іудействѣ около временъ Р. Хр. Такъ у іудеевъ несомнѣнно встрѣчаемъ апостоловъ, которые по порученію іудейскихъ старѣйшинъ въ Іерусалимѣ странствовали между іудеями разсѣянія, сбирали съ нихъ дани въ пользу храма іерусалимскаго, назидили общины разсѣянія и распространяли іудаизмъ между греками. У іудеевъ, далѣе, были въ большомъ уваженіи учители (дидаскалы). Встрѣчались въ іудействѣ и пророки, въ смыслѣ людей высшаго религіознаго просвѣщенія,—такъ Филонъ называетъ себя пророкомъ [10]).

Обращаемся къ частной характеристикѣ такихъ представителей древне-христіанскаго общества, какъ апостолы, пророки и учители. Начнемъ съ апостоловъ. Апостолы до самыхъ послѣднихъ дней своего существованія, до конца II вѣка, оставались вѣрны своему назначенію—быть исключительно странствующими проповѣдниками (миссіонерами). Это ясно видно изъ слѣдующаго предписанія вѣрующимъ въ Διδαχὴ (гл. XI, ст. 4—5): «Всякаго апостола, приходящаго къ вамъ, принимайте, какъ Господа». «Онъ не долженъ оставаться у васъ болѣе одного дня, а если нужно, то и два дня». Несомнѣнно,

[8]) Посланіе къ Ефесянамъ, гл. 3.

[9]) Harnack. Die Lehre der zwölf Apostel. S. 132 (второй пагинаціи). Leipz. 1884. Здѣсь приводятся нѣсколько словъ изъ 4-го прав. св. Діонисія. (См. греческій и славянскій текстъ этихъ правилъ въ изд. Москов. Общ. Любителей Духовн. Просвѣщенія.

[10]) Seufert. Apostolat. S. 8—12. Harnack. Lehre. S. 110—111.

такимъ образомъ, что и во II вѣкѣ апостолъ не имѣлъ постояннаго мѣстопребыванія.—Апостолы непремѣнно должны были отличаться полнымъ безкорыстіемъ. Въ Διδαχὴ на этотъ счетъ говорится: «Апостолъ, отправляющійся въ путь (послѣ однодневнаго пребыванія въ какой либо общинѣ), не долженъ ничего брать, кромѣ хлѣба, сколько нужно до дальнѣйшей переночевки; но если онъ потребуетъ денегъ, то онъ лжепророкъ» (XI, 6). Черта эта очень замѣчательна. Что полное безкорыстіе требовалось отъ непосредственныхъ учениковъ Христа, это извѣстно изъ Евангелія отъ Матѳея (10, 9—10), но что тоже требовалось и отъ апостоловъ—не учениковъ Христа, это такъ ново. Правда, Евсевій [11]), говоря о распространеніи христіанства въ началѣ II вѣка, утверждаетъ, что христіанскіе миссіонеры отказывались отъ своего имущества, предпринимая подвигъ апостольскій, но этому извѣстію Евсевія не придавали цѣны, почитая его прикрасой. Теперь же, послѣ открытія Διδαχὴ, это свидѣтельство Евсевія получаетъ полное значеніе. Ибо это свидѣтельство показываетъ, что требованіе рѣшительнаго безкорыстія отъ апостоловъ, — требованіе, какъ оно выражено въ Διδαχὴ - вполнѣ осуществлялось на практикѣ. Вотъ это извѣстіе Евсевія: «Много было тогда славныхъ мужей, находившихся въ первомъ порядкѣ преемниковъ апостольскихъ. Какъ богодухновенные ученики такихъ предшественниковъ, они продолжали созидать церкви на основаніяхъ, положенныхъ всюду апостолами: больше и больше распространяли проповѣдь и сѣяли спасительныя сѣмена небеснаго царствія по пространству вселенной. Многіе изъ нихъ въ то время, дѣйствіемъ божественнаго слова сильно увлекаемые къ любомудрію, сперва исполняли спасительную заповѣдь, т. е. раздѣляли свои имущества бѣднымъ, а потомъ предпринимали путешествія и совершали дѣло благовѣстія, съ ревностью возвѣщая Христа людямъ, вовсе еще не слышавшимъ слова вѣры. Положивъ основанія вѣры въ какихъ либо чуждыхъ странахъ и поставивъ тамъ пастырями другихъ, съ порученіемъ воздѣлывать тамъ

[11]) Церковная исторія, Ш, 37.

новонасажденіе, сами они, сопровождаемые божественною благодатію, отходили въ иныя земли и къ инымъ народамъ». По именамъ же такихъ проповѣдниковъ Евсевій (III, 37 и V, 10) знаетъ очень немногихъ: изъ начала II вѣка—Кодрата, а изъ второй половинѣ II вѣка—Пантена. Изъ сейчасъ приведеннаго мѣста Евсевія прежде всего открывается, что апостолы предъ отправленіемъ на проповѣдь имѣли обыкновеніе раздавать все свое имущество, т. е. окончательно отказываться отъ всякой корысти. А такимъ, именно, является апостолъ и по Διδαχὴ. Но это мѣсто Евсевія даетъ основанія и для другихъ очень важныхъ выводовъ касательно дѣятельности апостоловъ. Апостолы, какъ видно изъ свидѣтельства Евсевія, вели неутомимую странническую жизнь: они не оставались въ общинахъ, ими основанныхъ, а шли дальше и дальше. Очевидно, если они заходили въ организованныя общества христіанскія, то единственно только по дорогѣ. Замѣчательно требованіе, которое предъявляется авторомъ Διδαχὴ къ апостоламъ. Апостолъ остается въ обществѣ христіанскомъ лишь одинъ день, много—два; а если онъ захочетъ остаться больше, то, значитъ, онъ лжеапостолъ. Понятно это требованіе: если апостолы, по самой природѣ своей миссіи, должны вести странническую жизнь, то если бы кто изъ нихъ сталъ заживаться въ какой либо общинѣ, то, значитъ, онъ сталъ предаваться лѣности и небрежетъ о своемъ призваніи: община, гдѣ онъ останавливается, есть только ночлегъ для него, а на ночлегѣ никто не заживается. Въ разсматриваемомъ свидѣтельствѣ Евсевія заслуживаетъ вниманія еще указаніе, что и въ самихъ мѣстахъ ихъ миссіонерской дѣятельности они не заживались, а, положивъ основанія вѣры, только основанія вѣры, шли въ другія страны; попеченіе же о новообращенныхъ они поручали по личному усмотрѣнію, другимъ мужамъ, которые поставлялись въ пастыри новаго стада Христова.

Ко времени писателя Διδαχὴ, т. е. въ срединѣ II вѣка институтъ апостоловъ былъ жизненнымъ явленіемъ: авторъ не вспоминаетъ о немъ, какъ явленіи прошедшаго времени, а говоритъ о немъ, какъ явленіи, про-

должающемъ свое существованіе, и притомъ какъ явленіи, пользовавшемся почтеніемъ въ общинѣ. Но съ другой стороны нельзя не примѣчать, что институтъ апостоловъ началъ уже клониться къ упадку. Появились предостереженія, чтобы вѣрующіе отнюдь не позволяли апостоламъ заживаться, именно, оставаться больше двухъ дней въ общинѣ; значитъ, были уже и такіе апостолы, которые, вопреки своему назначенію странствовать въ качествѣ миссіонеровъ, готовы были долго проживать въ какой либо общинѣ. Далѣе писатель Διδαχὴ остерегаетъ христіанъ отъ такихъ апостоловъ, которые, недовольствуясь порціей денной пищи, отпускаемой при уходѣ ихъ, требовали еще денегъ; значитъ, появились между апостолами и сребролюбцы. Вообще изъ показаній Διδαχὴ можно заключать, что институтъ апостоловъ во II вѣкѣ началъ уже портиться, извращаться. И очень вѣроятно, что онъ скоро и совсѣмъ прекратилъ свое существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, изъ эпохи III вѣка до насъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ существованія апостоловъ. Можно думать, что апостолы не перешли черты, раздѣляющей II вѣкъ отъ III-го.

Послѣ изложенія свѣдѣній объ апостолахъ, скажемъ о пророкахъ. У апостола Павла и въ Διδαχὴ при исчисленіи важнѣйшихъ представителей церковнаго авторитета за апостолами слѣдуютъ *пророки*. Знакъ, что это были очень важныя лица. Отъ пророковъ при ихъ служеніи церкви требовалось безкорыстіе. Въ Διδαχὴ на этотъ счетъ замѣчается: «если пророкъ говоритъ: «дай мнѣ денегъ или что либо другое, не слушайте его». (XI, 12). Но изъ этого однако не слѣдуетъ, что аскетизмъ долженъ быть отличительною чертою пророковъ, какъ увидимъ ниже. Это далеко не такъ. Отъ странствующихъ апостоловъ пророки отличались не только особливымъ духовнымъ дарованіемъ — «говорить въ духѣ» (XI, 8: чего не предъявляется къ апостолу), но и функціями, имъ принадлежащими. Пророки не какъ апостолы, не назначались къ миссіонерской дѣятельности, не были обязаны идти къ язычникамъ съ проповѣдью; они были проповѣдниками въ существовавшихъ уже христіанскихъ

общинахъ, ихъ задача заключалась въ томъ, чтобы назидать христіанъ словомъ (XI, 1) [12]). Они по своей задачѣ ближе подходили къ дѣятельности дидаскаловъ—учителей, и потому пророкамъ позволялось не только проповѣдывать въ данной христіанской общинѣ короткое время, но и оставаться въ ней для продолжительнаго пребыванія (XIII, 1). Такимъ образомъ были и странствующіе и осѣдлые пророки; и тѣ и другіе играли очень важную роль въ церковныхъ общинахъ I и II вѣка. Писатель Διδαχὴ занимается описаніемъ пророческаго служенія—конечно не даромъ—очень подробно. Но еще важнѣе самыя извѣстія Διδαχὴ о пророкахъ. Пророковъ авторъ этого памятника называетъ первосвященниками, ибо онъ говоритъ христіанамъ: «пророки суть ваши архіереи», т. е. первосвященники (XIII, 3). Близко къ этому Лукіанъ въ извѣстной сатирѣ говоритъ, что христіане называли Перегрина не только пророкомъ, но и синагогевсомъ. Затѣмъ Διδαχὴ замѣчаетъ: «пророкамъ позволяйте говорить благодаренія (εὐχαριστεῖν), сколько они хотятъ» (X, 7). Слѣдовательно, пророкамъ давалось право активно участвовать въ богослуженіи,—нужно ли здѣсь разумѣть литургію или агапы, въ источникѣ не сказано; и притомъ пророкамъ не предписывается произносить опредѣленной богослужебной формулы благодаренія, они могли произносить формулу благодаренія собственнаго изобрѣтенія, какую хотѣли. Это показаніе Διδαχὴ вполнѣ сообразно съ тѣмъ, какъ, по увѣренію Лукіана, христіане называли своего пророка Перегрина, а они называли его, по Лукіану, тіасархомъ, т. е. начальникомъ при жертвоприношеніяхъ. Тотъ же Лукіанъ, желая осмѣять привязанность христіанъ къ ихъ пророку Перегрину, замѣчаетъ, что христіане такъ его почитали, что «считали его Богомъ». Конечно, здѣсь явное преувеличеніе въ описаніи христіанскаго пророка. Но тѣмъ не менѣе высокое уваженіе христіанъ къ своимъ пророкамъ—фактъ несомнѣнный. Авторъ Διδαχὴ заповѣдуетъ вѣрующимъ почитать пророка, возвѣщающаго

[12]) Сообразно словамъ ап. Павла: «кто пророчествуетъ, тотъ говоритъ людямъ въ назиданіе, увѣщаніе и утѣшеніе» (1 Кор. 14, 3).

слово Божіе, какъ самого «Господа» (XI, 2). Такое-то значеніе имѣлъ пророкъ въ христіанскомъ обществѣ. Но его значеніе основывалось исключительно на томъ, что онъ былъ лицомъ, «говорящимъ въ духѣ», былъ наставникомъ въ словѣ, преподавателемъ духовнаго назиданія. Что же касается административныхъ функцій, то въ источникахъ пророку онѣ нигдѣ не приписываются.

Мы сказали выше, что, будучи лицами, имѣвшими миссію—наставлять вѣрующихъ, пророки иногда для большаго успѣха своего дѣла изъ странствующихъ проповѣдниковъ превращались въ проповѣдниковъ, остававшихся на болѣе или менѣе продолжительное время въ данной общинѣ, или даже совсѣмъ поселялись въ ней. Въ подобномъ случаѣ къ пророку примѣняли слова Господа: «дѣлатель достоинъ мзды своей» (Мѳ. 10, 10; Лук. 10, 17), и общины считали своею обязанностью принимать на себя матеріальное содержаніе проповѣдника. Указаніемъ, какъ поступать въ такомъ случаѣ, служилъ примѣръ обезпеченія священника въ Ветхомъ Завѣтѣ. Пророку предназначались такъ называемые *начатки*, не только начатки отъ плодовъ земныхъ, но и начатки отъ точила (т. е. вина) и гумна, а также воловъ и овецъ, отъ всякой приготовляемой пищи, также часть отъ каждаго кувшина съ виномъ и елеемъ, а равно извѣстная доля денегъ и матеріи, изъ которой шьется платье;—ото-всего слѣдовало удѣлять, сообразно принятому правилу (гл. XIII). Отсюда видно, что пророкъ велъ не аскетическую жизнь: ему полагалась часть ото-всего, что потребно человѣку въ обыденной жизни. Этого рода предписанія, находимыя въ Διδαχή, указываютъ, что безкорыстіе пророка должно заключаться не въ томъ, чтобы онъ, подобно апостолу, довольствовался пропитаніемъ отъ общины въ теченіе короткаго срока и бралъ съ собою хлѣба, сколько нужно для дневного пропитанія, но въ томъ, чтобы онъ не требовалъ ничего лишняго, довольствуясь тѣмъ, что опредѣлено практикой. Διδαχή задаетъ себѣ вопросъ, какъ поступать съ начатками въ томъ случаѣ, если въ данной общинѣ нѣтъ пророка—и разрѣшаетъ его такъ: «начатки нужно от-

давать бѣднымъ» (XIII, 4). Слѣдовательно, пророку предназначалась та доля, какая въ другое время шла на бѣдныхъ въ общинѣ.—Таковы свидѣтельства Διδαχὴ о проробѣ. Писатель Διδαχὴ утверждаетъ, что, дѣлаясь осѣдлымъ, пророкъ получалъ содержаніе уже отъ общины, что это содержаніе состояло изъ начатковъ отъ плодовъ и отъ всякаго имущества вѣрующихъ, что даяніе это было добровольнымъ со стороны послѣднихъ и не было чѣмъ либо въ родѣ опредѣленнаго жалованія, и что, наконецъ, пророки имѣли средства для весьма удобной, не аскетической только жизни. Поучительную и интересную параллель съ этими послѣдними извѣстіями представляетъ описаніе сатирикомъ Лукіаномъ его героя—Перегрина. Это описаніе представляетъ единственную извѣстную параллель къ извѣстіямъ Διδαχὴ и потому заслуживаетъ вниманія. Лукіанъ разсказываетъ, что пройдоха Перегринъ, сдѣлавшись христіаниномъ, скоро достигъ большихъ почестей. Христіане стали, по словамъ Лукіана, считать его пророкомъ, тіасархомъ, кратко, всѣмъ, чѣмъ угодно. Когда онъ, какъ христіанинъ, былъ посаженъ въ темницу, вѣрующіе снабжали его всѣмъ въ полномъ изобиліи; освободившись изъ темницы, онъ пустился странствовать,—получалъ отъ христіанъ достаточное содержаніе, христіане шли за нимъ толпой и онъ жилъ въ совершенномъ довольствѣ. Долгое время питался онъ такимъ образомъ. Но потомъ онъ совершилъ какое-то преступленіе, христіане перестали оказывать ему помощь и онъ очутился въ нуждѣ. Изображеніе Лукіаномъ Перегрина выхвачено прямо изъ жизни и составляетъ прекрасную иллюстрацію къ извѣстіямъ Διδαχὴ. Лукіанъ даетъ знать, что продовольствіе христіанскаго пророка на счетъ вѣрующихъ было болѣе чѣмъ достаточнымъ. Пророкъ, значитъ, былъ любимымъ лицомъ въ числѣ представителей христіанскихъ общинъ.

Скажемъ о требованіяхъ, какія предъявлялись пророку касательно его поведенія. Διδαχὴ вообще предписываетъ, чтобы пророкъ «имѣлъ нравы Господа» (τρόποι κυρίου) (XI, 8). Но что разумѣть подъ «нравами Господа», писатель Διδαχὴ не указываетъ. Однакожъ тотъ же пи-

сатель указываетъ отрицательныя черты, по которымъ христіане могли отличать ложнаго пророка отъ истиннаго. Эти отрицательныя черты показываютъ, что̀, именно, въ нравственномъ отношеніи требовалось отъ пророка, какъ положительное его отличіе. А такъ какъ объ этихъ требованіяхъ писатель говоритъ тотчасъ же вслѣдъ за словами: «пророкъ долженъ имѣть нравы Господа», то отсюда мы отчасти узнаёмъ, что разумѣлъ писатель или церковь его времени подъ «нравами Господа». Писатель Διδαχὴ считаетъ пророка неправильно дѣйствующимъ въ трехъ случаяхъ: во-первыхъ, если «говоря въ духѣ», т. е. отъ имени Духа Святаго, онъ потребуетъ, чтобы вѣрующими была устроена трапеза или агапа для бѣдныхъ, и однакожъ самъ начнетъ насыщаться отъ нея (XI, 9); во-вторыхъ, если онъ во имя своего пророческаго званія потребуетъ отъ вѣрующихъ себѣ денегъ или чего нибудь еще (—12); въ-третьихъ, если онъ станетъ учить чему-нибудь такому, чему самъ онъ въ своей жизни не слѣдуетъ (XI, 10). Впрочемъ писатель Διδαχὴ прибавляетъ, что если онъ требуетъ денегъ для бѣдныхъ и для нихъ же устроенія трапезы, то онъ не можетъ заслуживать осужденія (— 9. 12). Такимъ образомъ, подъ «нравами Господа», которымъ долженъ подражать пророкъ, можно разумѣть слѣдующее: нестяжательность, соотвѣтствіе ученія пророка съ его собственною жизнью и заботливость о неимущихъ христіанахъ. Изъ другого источника можно видѣть и еще нѣкоторыя требованія, которыя предъявлялись пророку. Одинъ полемистъ, опровергая только что появившуюся ересь монтанистовъ, замѣчаетъ о пророкахъ монтанистическихъ: «нужно испытать всѣ плоды пророка. Скажи же мнѣ: развѣ пророкъ намащается? развѣ пророкъ подкрашивается и наряжается? развѣ пророкъ играетъ въ шашки и кости и даетъ деньги въ ростъ? Пусть они (монтанисты) по совѣсти скажутъ —позволительно это или нѣтъ; а я докажу, что у нихъ дѣйствительно такъ бывало»[13]). Изъ этихъ непривлекательныхъ чертъ монтанистическихъ пророковъ открывается, какимъ дѣйстви-

[13]) У Евсевія. Церк. исторія, кн. V, гл. 18.

тельнымъ нравственнымъ характеромъ долженъ отличаться пророкъ, принадлежащій церкви. Впрочемъ мы не лишены возможности указать и положительныя черты, которыя должны были по сознанію церкви характеризовать истиннаго пророка. Въ книгѣ «Пастырь» Эрма говорится, что «истинный пророкъ» отличается такими свойствами: онъ «спокоенъ, кротокъ и смиренъ»; «онъ удаляется отъ всякаго зла и суетнаго желанія вѣка сего»; онъ такъ мало думаетъ о своемъ достоинствѣ, что «ставитъ себя ниже всѣхъ»; отъ лица Духа Божія онъ ни съ кѣмъ не говоритъ наединѣ, съ своимъ пророческимъ словомъ онъ «обращается только къ собранію мужей праведныхъ», т. е. къ церкви; онъ «проповѣдуетъ не тогда, когда ему вздумается, но когда онъ чувствуетъ, что требуетъ Духъ Св., имъ управляющій»[14]). Такимъ идеальнымъ характеромъ долженъ отличаться пророкъ по сознанію церкви II вѣка. Что касается вопроса: брачную или безбрачную жизнь вели пророки?—то изъ Διδαχὴ видно, что они проводили жизнь безбрачную. Безбрачіемъ отличались всѣ извѣстные пророки христіанской древности[15]). Это былъ, кажется, единственный пунктъ, въ отношеніи котораго отъ пророковъ не требовалось, чтобы они учили лишь тому, что сами соблюдаютъ: хотя они и жили безбрачными, но требовать того же отъ вѣрующихъ имъ не вмѣнялось въ обязанность. Писатель Διδαχὴ замѣчаетъ вѣроятнѣе всего по этому случаю, что судить пророка за то, что онъ не учитъ всѣхъ тому, что самъ дѣлаетъ,—предоставляется Богу (XI, 11).

Главная задача пророка, по самой его идеѣ, заключалась въ томъ, чтобы наставлять вѣрующихъ. Спрашивается, какъ же это происходило и чему они учили? Дадимъ, по возможности, опредѣленный отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Пророки говорили не отъ себя, а отъ лица Духа Св., говорили въ экстазѣ. Свои рѣчи они произносили въ церковныхъ собраніяхъ, слѣдовательно

[14]) Заповѣди, XI-я.

[15]) Къ числу таковыхъ Гарнакъ относитъ слѣдующихъ лицъ пророческаго призванія: Агава, дочерей Филиппа, Кодрата, Іуду, Силу, Аммію. Lehre u. s. w. S. 46 (первой пагинаціи).

публично. Учить кого либо наединѣ считалось не дѣломъ пророка. Рѣчи пророковъ и дѣйствія ихъ на душу вѣрующихъ должно представлять себѣ не такъ, что это были какія либо импозантныя импровизаціи, которыя производили потрясающее впечатлѣніе. Это были поученія простыя, производившія впечатлѣніе не сильное, но вѣрное,—вѣрное главнымъ образомъ потому, что пророкъ неутомимо внушалъ то, что нужно было знать христіанину. Эрмъ въ «Пастырѣ» слѣдующими метафорическими чертами описываетъ дѣйствіе рѣчей пророка на душу поучающихся у него: «Вѣрь духу, приходящему отъ Бога и имѣющему силу. Пойми теперь силу, свыше приходящую. Градъ—крупинка очень малая; но когда упадетъ на голову человѣка, какую причиняетъ боль? Или еще возьмемъ въ примѣръ дождевую каплю, которая съ крыши упадаетъ на землю и продолбливаетъ камень. Видишь, что и самое малое, что сверху падаетъ на землю, имѣетъ великую силу. Такъ силенъ и Духъ божественный, приходящій свыше. Этому духу ты вѣрь»[16]). Рѣчь у автора идетъ о пророкѣ.

Источникомъ, пополняющимъ наши свѣдѣнія о проповѣднической дѣятельности пророковъ, служитъ сочиненіе Цельса (II-го вѣка) противъ христіанъ. Конечно, это свидѣтельство нельзя принимать буквально, такъ какъ оно принадлежитъ врагу христіанства, но съ другой стороны нельзя отказывать полемисту въ томъ, что имъ схвачены достаточно вѣрно по крайней мѣрѣ нѣкоторыя черты разсматриваемой дѣятельности пророковъ. Цельсъ говоритъ о христіанскихъ пророкахъ: «есть многіе у нихъ (христіанъ), хотя это люди безъ имени и призванія, но они съ великимъ удобствомъ, пользуясь каждымъ ближайшимъ случаемъ, въ святилищахъ (языческихъ) или внѣ ихъ, всячески ломаются, какъ будто бы они одержимы пророческимъ экстазомъ. Другіе подъ видомъ нищихъ расхаживаютъ по городамъ и военнымъ лагерямъ и продѣлываютъ тоже зрѣлище. У каждаго изъ нихъ не стоитъ дѣло за словомъ, каждый изъ нихъ проворно провозглашаетъ: «я—Богъ, я—Сынъ Божій, я—Духъ Святой». «Я пришелъ потому, что скоро бу-

[16]) Заповѣдь XI, 9 (ed. Gr).

детъ кончина міра и вы, люди, за свою неправду заслужили наказанія. Я хочу спасти васъ, и вы скоро увидите меня снова приходящимъ съ небесною силою. Блаженъ тотъ, кто воздаетъ мнѣ теперь почитаніе, всѣ же прочіе будутъ преданы мною огню, вѣчный огонь пожретъ—города, страны и народы. Тѣ, кто не имѣетъ вѣры въ страшный судъ, который ожидаетъ ихъ, будутъ потомъ напрасно сокрушаться и вздыхать. Напротивъ, вѣрующіе въ меня получатъ отъ меня жизнь вѣчную». «Къ этимъ страшнымъ угрозамъ, продолжаетъ Цельсъ, они примѣшивали странныя, почти безумныя и совершенно непонятныя слова, смыслъ которыхъ ни одинъ разумный человѣкъ постигнуть не можетъ,—такъ темны, непередаваемы ихъ слова. Но за то первый попавшійся малоумный или болтунъ можетъ объяснять ихъ, какъ ему угодно. Этихъ мнимыхъ пророковъ—заключаетъ Цельсъ—я самъ не разъ слышалъ собственными ушами»[17]). Въ этомъ извѣстіи Цельса, повидимому, перемѣшаны черты пророковъ съ чертами апостоловъ, но все же приведенное мѣсто несомнѣнно характеризуетъ проповѣдническую дѣятельность пророковъ. Даже и Цельсъ замѣтилъ, что они говорили не отъ своего лица, а отъ лица Духа Св.; онъ указываетъ, что пророки старались о разъясненіи основныхъ истинъ вѣры и говорили съ сильнымъ жаромъ; наконецъ, весьма вѣроятно, что и въ самомъ дѣлѣ пророки въ своихъ рѣчахъ не всегда были ясны, что ихъ сообщенія были темноваты и казались странными,—этого весьма можно ожидать отъ говорившихъ въ экстазѣ.—Какія въ частности мысли раскрывали пророки, мы не можемъ сказать. Но если признаемъ «Пастырь» Эрма произведеніемъ пророка II вѣка, то можемъ составить себѣ ясное понятіе о проповѣдяхъ пророковъ. Впрочемъ книга «Пастырь» извѣстна, и нѣтъ надобности распространяться о ней. Книга эта во всякомъ случаѣ не можетъ относиться къ очень яснымъ произведеніямъ, по ея изложенію. Достаточно припомнить описаніе «видѣній» Эрма, чтобы не заблуждаться на ея счетъ: въ этой части книга носитъ мало-понятный апокалипсическій характеръ.

[17]) Origenis. Contra Celsum. VII, 9. 11.

Пророковъ въ I и II вѣкахъ было не мало, но именъ ихъ мы почти не знаемъ. Вѣроятно, къ числу ихъ принадлежали лица, хотя и одушевленныя религіозною ревностью, но не выдававшіяся своимъ образованіемъ. Болѣе извѣстные пророки — слѣдующіе: Эрмъ—писатель «Пастыря», Мелитонъ Сардійскій [18]), мученикъ Папила (II в.) [19]);—къ пророкамъ древность причисляла дочерей діакона, одного изъ семи,—Филиппа, «дѣвъ, одаренныхъ пророческимъ даромъ» [20]).

Пророки продолжали свое существованіе въ I и II вѣкахъ, но едва ли они дожили до III-го вѣка. Въ концѣ, а въ иныхъ мѣстахъ даже въ срединѣ II вѣка институтъ пророковъ началъ портиться и видимо клониться къ упадку. Эрмъ въ своемъ «Пастырѣ», произведеніи, явившемся около средины II вѣка, находитъ весьма много недостатковъ, вкравшихся въ институтъ пророковъ. Онъ говоритъ, что пророки стали проводить жизнь «въ роскоши и удовольствіяхъ»; брали деньги за свое пророчествованіе, а въ случаѣ отказа въ деньгахъ не хотѣли исполнять своего пророческаго дѣла; они сдѣлались «наглы и болтливы»; они начали высоко думать о себѣ; поучали не только въ церквахъ, но, вопреки правилу, они, подобно оракуламъ, стали давать отвѣты на частные вопросы людей пустыхъ и легкомысленныхъ; они стали подольщаться къ лицамъ, которые обращались къ нимъ съ вопросами; они предрекали своимъ кліентамъ, что ихъ суетныя желанія исполнятся; вообще они забыли, что пророки говорятъ во имя Духа Св., не тогда, когда они хотятъ этого, а когда ихъ будетъ къ этому побуждать экстатическое состояніе. Эрмъ называетъ ложныхъ пророковъ своего времени «пустыми горшками», а ихъ рѣчи сравниваетъ съ трубой, наполненной водою и направленной на небо—въ разсчетѣ, что водяная струя пробьетъ сводъ небесный. Эрмъ рекомендуетъ удаляться такихъ ложныхъ пророковъ [21]). Писатель Διδαχὴ съ своей стороны даетъ понимать, что въ его

[18]) Евсевія. Церк. исторія, V, 24.
[19]) Gebhardt und Harnack. Texte und Untersuchun. B. III, Heft 3—4. S. 448. 460.
[20]) Книга Дѣяній св. Апостоловъ, 21, 9. Евсевія, ibid.
[21]) Заповѣди, XI-я.

время пророческій институтъ уже не всегда стоялъ на высотѣ своего призванія. Изъ его предостереженій противъ ложныхъ пророковъ видно, что иные пророки назойливо и дерзко требовали себѣ денегъ и другихъ вещей въ награду за свое служеніе. Общество христіанское, по словамъ того же писателя, начало довольно скептично смотрѣть на пророковъ. По крайней мѣрѣ только этимъ можно объяснять слѣдующія вразумленія сказаннаго писателя, съ которыми онъ обращается къ вѣрующимъ: «всякаго пророка, говорящаго въ духѣ, не испытывайте, и не судите, ибо всякій грѣхъ отпустится, а этотъ грѣхъ не отпустится» (XI, 7). Очевидно писатель уже старается охранять институтъ пророковъ отъ какихъ-то враговъ этого послѣдняго и призываетъ на голову непослушныхъ страшныя угрозы. Появленіе монтанизма съ его мечтательнымъ профитизмомъ тоже содѣйствовало упадку пророковъ.

На основаніи довольно твердыхъ историческихъ извѣстій можно заключать, что пророки совсѣмъ прекращаютъ свое существованіе вскорѣ послѣ 180 года. Слѣдовательно, они немногимъ пережили апостоловъ, существованіе которыхъ закончилось около 150 года. Въ Римской церкви послѣ Эрма, т. е. послѣ 40 годовъ II вѣка уже не встрѣчаемъ пророковъ. Это и понятно. Самъ Эрмъ указываетъ множество злоупотребленій, вкравшихся въ дѣятельность пророковъ. Дальнѣйшее существованіе пророковъ стало дѣломъ невозможнымъ и анахронизмомъ. Въ Малой Азіи во времена развитія монтанизма тоже не видимъ пророковъ церковнаго характера. Полемисты противъ монтанизма только выражали увѣренность, что истинная церковь никогда не остается безъ пророковъ, но дѣйствительныхъ наличныхъ пророковъ они уже не знаютъ. Въ Карѳагенѣ пророки уже совсѣмъ исчезаютъ во времена Тертулліана: перечисляя лицъ, составляющихъ персоналъ представителей церкви, онъ не упоминаетъ пророка [22]). Пророки дольше всего, кажется, держались въ Египетской церкви (свидѣтель— Διδαχή, какъ думаютъ, египетскаго происхожденія), но

[22]) Такой персоналъ состоялъ изъ епископа, діакона, вдовицы, дѣвственницы, учителя и исповѣдника. De praescript., cap. 3.

и здѣсь къ началу III вѣка пророки безъ слѣда исчезаютъ. Оригенъ, опровергая Цельса, говоритъ: «едва ли нужно вѣрить Цельсу, если онъ утверждаетъ, что онъ самъ слышалъ пророковъ; ибо во дни его не появлялось никакихъ пророковъ»[23]). Оригенъ, значитъ, не зналъ уже пророковъ. Вотъ свѣдѣнія о пророкахъ I и II вѣка. Эти свѣдѣнія важны, какъ для пониманія исторіи епископата, являющагося наслѣдникомъ дѣятельности пророковъ, такъ и для объясненія многихъ древне-христіанскихъ памятниковъ, гдѣ вскользь, но все же не мало говорится на тему о пророкахъ.

Третій классъ лицъ церковнаго авторитета, о которомъ съ увѣренностью можно стало говорить только послѣ открытія памятника: Διδαχὴ,—это въ собственномъ смыслѣ—учители, *дидаскалы*.

Дидаскалы упоминаются въ Διδαχὴ при исчисленіи лицъ, составляющихъ предстоятельство церковное,—послѣ апостоловъ и пророковъ, слѣдовательно, они стояли ниже этихъ послѣднихъ[24]). Дидаскалы принадлежали къ лицамъ, ведшимъ странническую жизнь. О нихъ вмѣстѣ съ пророками и апостолами говорится: «если кто *пришедши* станетъ учить»[25]) и т. д. Изъ этого видно, что они не были осѣдлыми учителями. Дидаскалы учили христіанскимъ истинамъ тѣ общины, которыя они навѣщали; они, по выраженію Διδαχὴ, старались объ «умноженіи правды и знанія Господа»[26]). Въ смыслѣ проповѣдниковъ положеніе ихъ не было такъ высоко, какъ положеніе пророка. Они составляли какъ бы дополненіе къ пророческой дѣятельности. Главное отличіе дидаскаловъ отъ пророковъ заключалось въ томъ, что дидаскалы принимали это званіе по личному усмотрѣнію (въ посланіи Іакова говорится: «не мнози учителіе бывайте»—1, 3,—значитъ, каждый могъ быть или не быть учителемъ: это его дѣло), напротивъ пророкъ принимался за свое дѣло только тогда, когда онъ чувствовалъ, что его призываетъ къ дѣятельности внѣшняя сила—Духъ Святой. Впрочемъ и дидаскалы считали

[23]) Contra Celsum. Lib. VII, cap. 11.
[24]) XIII, 2; XV, 1.
[25]) XI, 1.
[26]) Ibidem, 2.

свою дѣятельность проявленіемъ дѣйствующаго въ нихъ Духа Святаго, и потому они въ древности причислялись къ лицамъ, въ извѣстной мѣрѣ обладающимъ высшимъ благодатнымъ дарованіемъ [27]). Дидаскалъ за свое служеніе имѣлъ право получать матеріальное содержаніе отъ общины, какой онъ служилъ, но точно не указывается: на что, именно, онъ могъ разсчитывать въ матеріальномъ отношеніи. Въ Διδαχὴ на этотъ счетъ только сказано: «истинный учитель, какъ и всякій трудящійся, достоинъ своего пропитанія» [28]). Въ этомъ отношеніи онъ замѣтно приравнивался къ пророкамъ. Почтеніемъ въ общинѣ дидаскалы должны были пользоваться не въ меньшей мѣрѣ, какъ и пророки. А какъ высоко было это уваженіе къ дидаскаламъ (а равно и къ пророкамъ) видно изъ того, что въ Διδαχὴ предписывается почитать ихъ не меньше, если не больше—самихъ епископовъ [29]). На высокое уваженіе къ дидаскаламъ указываетъ и Эрмъ въ «Пастырѣ», когда говоритъ, что учители, свято и чисто учившіе Слову Божію и неуклонявшіеся къ худымъ пожеланіямъ, станутъ пребывать въ будущей жизни вмѣстѣ съ ангелами [30]). На столь же высокое уваженіе дидаскаловъ указываетъ и то обстоятельство, что многіе древне-христіанскіе писатели, давая въ своихъ сочиненіяхъ наставленія христіанамъ, оговариваются, что они пишутъ не какъ дѣйствительные дидаскалы. Т. е. ясно, что они ставятъ дидаскаловъ выше себя и ихъ словамъ придаютъ особенный авторитетъ. Такъ поступаютъ авторъ посланія Варнавы, Игнатій Антіохійскій и Діонисій Александрійскій [31]).

Что касается самаго характера проповѣднической дѣятельности дидаскаловъ и свойствъ ихъ ученія, то на этотъ счетъ мы имѣемъ мало свѣдѣній. Едва ли впрочемъ ихъ учительство было одинаковымъ съ пророческимъ, хотя они подобно пророкамъ учили съ церков-

[27]) Эрма Пастырь: подобія, IX, гл. 25.

[28]) XIII, 1.

[29]) XV, 2: „Не пренебрегайте (Μὴ ὑπερίδητε) ими, т. е. епископами и діаконами, ибо они должны почитаться вами вмѣстѣ съ (μετὰ) пророками и дидаскалами".

[30]) Подобія, IX, гл. 25.

[31]) Варнавы – посланіе, гл. I, 8: „Я не какъ учитель (διδάσκαλος), но какъ равный съ вами, изъясняю вамъ". Свидѣтельства Игнатія и Діонисія были указаны выше.

ной каѳедры. Съ раннихъ временъ не мало было лицъ въ христіанскомъ обществѣ, которые не хотѣли довольствоваться млекомъ и искали твердой пищи — въ духовномъ смыслѣ, искали премудрости, высшаго знанія и разумѣнія—въ религіи; имъ то удовлетворить и имѣли въ виду между прочимъ дидаскалы.

Дидаскалы продолжали существовать въ церкви не только дольше апостоловъ, но и дольше пророковъ. Напримѣръ въ Римѣ, въ то время, какъ авторитетъ пророковъ началъ сильно падать, въ эпоху жизни Эрма,— дидаскалы еще пользовались полнымъ почетомъ. Въ одной изъ своихъ заповѣдей Эрмъ спрашиваетъ руководящаго его ангела (пастыря), такъ ли нужно смотрѣть на покаяніе, какъ думаютъ дидаскалы,—и получаетъ отвѣтъ утвердительный [32]). Авторитетъ дидаскаловъ, значитъ, стоитъ еще высоко. Дидаскалы переступили черту, раздѣляющую II отъ III вѣка и долго держались въ церкви и въ III вѣкѣ. Въ Египтѣ, и главнымъ образомъ въ Александріи дидаскалы существовали еще при Оригенѣ; въ его сочиненіяхъ упоминаются часто: учители, или «учители церкви», или же такія лица, которые «у насъ (Александріи) мудро исполняли должность учителя»; достоинство священника и каѳедру учителя Оригенъ поставляетъ на одной высотѣ, хотя уже знаетъ и такихъ дидаскаловъ, которые мало были достойны своего званія [33]). Даже послѣ средины III вѣка встрѣчаемъ указаніе на дидаскаловъ въ той же странѣ — въ Египтѣ. Въ одномъ селеніи, расположенномъ близъ Александріи, Діонисій Александрійскій по одному случаю созвалъ, какъ онъ говоритъ въ посланіи, «пресвитеровъ и учителей тѣхъ братій, которые находились въ селеніи» [34]). Но это однако самое послѣднее свидѣтельство о бытіи дидаскаловъ въ церкви; послѣ этого слѣдъ ихъ существованія сглаживается.

Причиной, по которой уничтожается, преходитъ институтъ дидаскаловъ, служатъ искаженіе и злоупотребленія, вкравшіяся въ этотъ институтъ, какъ это было и съ

[32]) Заповѣди, IV, гл. 3.

[33]) Свидѣтельства изъ разныхъ сочиненій Оригена собраны Гарнакомъ. Lehre der zwölf Apostel. S. 135—136.

[34]) Евсевія. Церк. исторія. Кн. VII, гл. 24.

апостолами и съ пророками. Въ одномъ изъ посланій подъ заглавіемъ: «о дѣвствѣ», дошедшихъ до насъ съ именемъ Климента Римскаго, но появившихся въ началѣ III вѣка, говорится (I, 11): «Дидаскалы хотятъ быть и выказывать себя краснобаями. Да убоимся того суда, который угрожаетъ (такимъ) дидаскаламъ. Тяжкому осужденію подлежать будутъ тѣ учители, которые проповѣдуютъ, а не дѣлаютъ» (того, о чемъ проповѣдуютъ) [35]). Въ этихъ словахъ древняго христіанскаго писателя выражается прежде всего мысль, что дидаскалы съ теченіемъ времени забыли о своемъ назначеніи—съ словомъ назиданія обращаться ко всѣмъ безъ различія вѣрующимъ; а напротивъ того, желая хвастать своимъ краснорѣчіемъ, стали обращаться съ своими рѣчами лишь къ избранному кружку лицъ, болѣе цѣнящихъ изящество изложенія. Значитъ, въ средѣ дидаскаловъ появилась суетность, удаляющая ихъ отъ ихъ первоначальнаго назначенія. Затѣмъ, они, какъ и пророки послѣдняго времени своего существованія, говорили можетъ быть и хорошо, но не исполняли того, чему учили. Этимъ они роняли себя въ глазахъ хріистіанъ,—и самое существованіе ихъ перестало интересовать этихъ послѣднихъ [36]).

Всѣ доселѣ изученные нами представители церковнаго авторитета — апостолы, пророки и дидаскалы имѣютъ между собою много общаго и составляютъ собой въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ одно цѣлое. Они составляли одинъ изъ элементовъ древнѣйшаго церковнаго предстоятельства. Элементъ этотъ нѣкоторые западные историки въ отличіе отъ другихъ элементовъ называютъ религіознымъ или духовнымъ. Но, кажется, точнѣе будетъ назвать его первохристіанскимъ элементомъ, такъ какъ въ дальнѣйшей церковной исторіи онъ совсѣмъ исчезаетъ.

---

[35]) Сравн. Διδαχή, XI, 10: «пророкъ, если не дѣлаетъ того, чему учитъ, есть лжепророкъ».

[36]) Нѣкоторые изъ дидаскаловъ стали адептами ложныхъ ученій, наприм., въ Египтѣ, во времена Діонисія стали поддерживать сторону такъ наз. хиліастовъ, „отказываясь слѣдовать евангеліямъ и презирая апостольскія посланія“ (Евсевія Церк. Ист VII, 24). Такого рода дидаскалы начали появляться еще и во времена Эрма. Онъ упоминаетъ объ «учителяхъ неправды, у которыхъ нѣтъ никакого плода истины; изъ желанія прибытка они обольщали людей и каждый училъ по похотямъ грѣшныхъ; за это они понесутъ наказаніе», замѣчаетъ Эрмъ (Подобія, IX-ое, лл. 19).

Мы не безъ особеннаго намѣренія остановились на вопросѣ о харисматическихъ учителяхъ. У насъ въ Россіи и раньше было не мало сектъ, отстаивавшихъ ученіе о всеобщемъ священствѣ христіанъ и отрицавшихъ законность отдѣльной іерархіи; а теперь такихъ сектантовъ стало еще больше и выражать свое мнѣніе они стали много смѣлѣе, чѣмъ прежде. Всѣ они въ доказательство правильности своихъ воззрѣній и своего протеста ссылаются, не всегда впрочемъ удачно, на нѣкоторыя мѣста Новозавѣтныхъ Писаній. Въ «Миссіонерскомъ Обозрѣніи» мы нашли на этотъ счетъ слѣдующія свѣдѣнія. «У мнимо духовныхъ христіанъ (духоборцовъ, молоканъ, штундистовъ и проч.), кромѣ избранныхъ проповѣдниковъ, право на учительство (въ религіозныхъ собраніяхъ) и на проповѣдь можетъ присвоять себѣ въ извѣстное время (?) каждый членъ общины, чувствующій къ тому внутреннее призваніе. Это право на всеобщее учительство, пишетъ авторъ, эти христіане основываютъ на такихъ мѣстахъ св. Писанія: Матѳ. 11, 25; Іоан. 6, 45; I Кор. 14, 26; Ефес. 5, 19; Филип. 1, 15; Кол. 3, 16 (Томъ 1 за 1896 г., стр. 45—изъ статьи: «О таинствѣ священства и духовной іерархіи»). По сообщенію того же журнала, «штундисты по вопросу о священствѣ приводили слѣдующія изреченія Писанія: 1 Петр. 2, 5; Дѣян. 6, 3—5; I Кор. 12, 28; Ефес. 4, 11», а затѣмъ они же ссылались, въ видахъ полемическихъ (противъ существующей іерархіи) и, нужно сказать, совсѣмъ не къ дѣлу на: 1 Ѳессал. 2, 3—4; Мтѳ. 27, 1 и 20 («Миссіон. Обозр.» 1898, январь, стр. 115,—изъ статьи: Кіевская полемика апологетическаго (?) собесѣдованія со штундистами).

Нѣтъ сомнѣнія, цитируемыя сектантами вышеуказанныя мѣста, не имѣютъ того смысла, какой они влагаютъ въ эти послѣднія. Но они не совсѣмъ въ этомъ виноваты. Эти мѣста слишкомъ отрывочны и потому не совсѣмъ ясны. Прекрасный комментарій эти изреченія могутъ находить въ памятникѣ: «Ученіе двѣнадцати Апостоловъ», написанномъ, какъ мы говорили, очень рано, во II вѣкѣ и не имѣющемъ ни малѣйшаго намѣренія защищать институтъ іерархическій и вообще не

заинтересованномъ никакою полемикою. Въ этомъ отношеніи очень справедливо пишетъ кіевскій проф. Поповъ: «свѣдѣнія объ этихъ служеніяхъ (т. е. служеніяхъ харизматическихъ учителей), находящіяся въ этомъ сочиненіи («Ученіи»...) пріобрѣтаютъ особую важность, такъ какъ они служатъ восполненіемъ и уясненіямъ того, что намъ извѣстно о названныхъ служеніяхъ изъ апостольскахъ писаній» («Труды Кіевск. дух. акад.», 1884 г. т. 2, стр. 361—изъ статьи: Ученіе двѣнадцати Апостоловъ).

Апостолы пророки и дидаскалы, о которыхъ не мало свѣдѣній сообщаетъ «Ученіе», очевидно составляютъ продолженіе тѣхъ свободныхъ религіозныхъ служеній учительскаго характера, о которыхъ упоминается всколь въ большинствѣ цитируемыхъ вышеуказанными сектантами мѣстъ.

Но свѣдѣнія, сообщаемыя этимъ памятникомъ о дѣятельности свободныхъ проповѣдниковъ древности весьма мало отвѣчаютъ тѣмъ притязаніямъ, какія заявляютъ разные духоборцы и штундисты. Приведемъ себѣ на память нѣкоторыя изъ описаній дѣятельности харизматическихъ учителей, описаній, находимыхъ въ данномъ памятникѣ. Прежде всего эти свободные проповѣдники «говорятъ въ Духѣ», т. е. отъ лица св. Духа. Но спрашивается: есть ли у нашихъ сектантовъ масштабъ для опредѣленія того: отъ Духа св. или отъ своего разума поучаютъ ихъ учители? Кажется, сектанты эти и не задаютъ себѣ подобнаго вопроса. Далѣе, въ нашемъ памятникѣ читаемъ такія слова: «если кто пришедши къ вамъ, станетъ васъ учить тому, что сказано (изъяснено) прежде, того примите. А если самъ учитель, совратившись, станетъ учить другому ученію, такъ что разрушаетъ сказанное, то не слушайте его. Всякій, приходящій во имя Господне, долженъ быть принятъ, но потомъ испытавъ его, познайте его, ибо вы должны различать правое и ложное». Отсюда открывается, что не всякій самочинный учитель могъ безнаказанно учить, чему вздумается. Если онъ говорилъ какія-либо новости по части религіи, или если онъ вмѣсто праваго ученія предлагалъ ложное, то его надлежало отвергать.

Но кто же могъ это дѣлать? Памятникъ ясно даетъ знать, что это должна дѣлать церковь, церковь извѣстной мѣстности въ ея совокупности. Но нѣтъ нужды доказывать, что этого правила соблюдать наши сектанты не могутъ: они внѣ церкви и лишены возможности отличать истинное ученіе отъ неистиннаго. Развѣ это образъ дѣйствованія апостольскаго характера? Въ нашемъ памятникѣ указываются и другіе случаи когда вѣрующимъ приказывается: «не слушать учителя«. Но наши сектанты поставили себя въ такія условія, при которыхъ они не станутъ слушать преимущественно такого учителя, который приходитъ къ нимъ отъ лица церкви, т. е. отъ лица наиболѣе компетентнаго большинства. — Весьма важенъ, въ особенности съ точки зрѣнія сектантовъ, вопросъ: въ какомъ отношеніи стояли одни къ другимъ въ древнѣйшую пору церкви лица іерархическія и харизматическіе учители или, что-тоже, свободные проповѣдники. Мы конечно, не думаемъ, чтобы разсматриваемые сектанты, подобно крайнимъ протестантскимъ ученымъ отвергали апостольское происхожденіе всѣхъ тѣхъ новозавѣтныхъ писаній, въ которыхъ ясно указывается существованіе въ церкви епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ. Въ такомъ случаѣ всякіе разговоры съ ними, направленные къ уясненію истины, были бы излишни и безплодны. Итакъ: какъ нужно отвѣчать на сейчасъ поставленный нами вопросъ? Откровенно говоря, на основаніи Новозавѣтныхъ Писаній, нельзя рѣшать этого вопроса, по недостаточности данныхъ для того. Между тѣмъ, такая неопредѣленность всегда была такъ сказать въ руку сектантамъ. Эти послѣдніе ни мало не задумывались и теперь не задумываются утверждать, что будто указанныя отношенія могли быть только враждебными, выражаться въ формѣ соперничества. Но читайте произведеніе: «Ученіе двѣнадцати» и вы увидите, что ничего такого не было. Въ немъ говорится: «поставляйте себѣ епископовъ и діаконовъ, достойныхъ Господа, мужей кроткихъ и не сребролюбивыхъ... Они должны быть почитаемы вами вмѣстѣ съ пророками и дидаскалами». Такимъ образомъ, констатируется здѣсь, что между вышеуказанными группами церковныхъ лицъ даже

во II вѣкѣ существовали отношенія полной гармоніи. Могло ли быть иначе во времена апостольскія? Отвѣтъ можетъ быть данъ одинъ и притомъ утвердительный. Какъ же послѣ этого несправедливо и дерзко поступаютъ наши сектанты, которые необинуясь сравниваютъ іерархію съ іудейскими старѣйшинами и первосвященниками, предавшими и погубившими Христа (Мтѳ. 27, 1 и 20) и даютъ разумѣть, что будто представители іерархіи дѣйствуютъ, подчиняясь нечистымъ побужденіямъ и руководясь лукавствомъ (1 Сол. 2, 3—4)? Какъ и когда порвалась связь между указанными группами, въ настоящее время это мы знаемъ (см. выше), при чемъ лица іерархическія не обнаруживали никакого поползновенія къ искорененію другой группы церковнаго авторитета. Эта послѣдняя мысль уже ранѣе была нами раскрыта обстоятельно и фактично въ двухъ статьяхъ «Моск. Церк. Вѣдомостей» («Вселенскіе миссіонеры II вѣка», 1896 г. № 38, и «Взаимныя отношенія епископа и діакона въ древности», 1903 г., № 3—4). О нашихъ доморощенныхъ сектантахъ вообще нужно замѣтить, что они учить другихъ очень любятъ, а сами учиться очень мало расположены. Такъ впрочемъ бываетъ со всѣми любителями не истины, а новыхъ вѣяній.

А. Лебедевъ.

Отдѣльный оттискъ изъ „Москов. Церковн. Вѣдом.“ 1903 г. №№ 39—43.

Печатать разрѣшается. Москва. Сентября 28 дня, 1903 года.

Цензоръ Протоіерей *Н. Извѣковъ.*

Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собств. домъ.